

DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.060

УДК 94(100)“1914/19” +

+ 94(436:450):355.01 + 314.152.3 +

+ 314.723

Н. В. Суржикова

¹Институт истории и археологии УрО РАН

Екатеринбург, Россия

²Южно-Уральский государственный

университет

Челябинск, Россия

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ? АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ СОЛДАТЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рец. на кн.: Ди Микеле А. Меж двух мундиров. Италоязычные подданные Австро-Венгерской империи на Первой мировой войне и в русском плену / пер. и науч. ред. М. Г. Талалая. — СПб. : Алетей, 2022. — 286 с., ил. — (Италия — Россия)

В публикации рецензируется исследование А. Ди Микеле, профессора Свободного университета г. Больцано (Южный Тироль), посвященное предвоенному и военному опыту, а также опыту плена италоговорящих солдат австро-венгерской армии периода Первой мировой войны. Основной акцент делается на ее роли в процессе их этнокультурной и этнополитической самоидентификации, напрямую связанной с политикой населения и политикой идентичностей, проводимых государствами Европы и Россией во второй половине XIX — первой четверти XX в. Показано, какие лакуны исследование А. Ди Микеле способно закрыть и какие проблемы актуализировать, фокусируясь одновременно и на региональном, и на национальном, и на наднациональном контекстах темы австро-венгерских солдат итальянского происхождения в годы Первой мировой войны и в российском плену.

К л ю ч е в ы е с л о в а: итальянские австрийцы; Первая мировая война; политика населения; политика идентичностей; российский плен; репатриация

Ц и т и р о в а н и е: Суржикова Н. В. Меж двух огней? Австро-венгерские солдаты итальянского происхождения в годы Первой мировой войны // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 292–300. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.060>. Рец. на кн.: Ди Микеле А. Меж двух мундиров. Италоязычные подданные Австро-Венгерской империи на Первой мировой войне и в русском плену / пер. и науч. ред. М. Г. Талалая. — СПб. : Алетей, 2022. — 286 с., ил. — (Италия — Россия)

Поступила в редакцию: 18.06.2022

Принята к печати: 19.08.2022

Natalia V. Surzhikova

¹*Institute of History and Archaeology UB RAS*
Ekaterinburg, Russia

²*South Ural State University*
Chelyabinsk, Russia

BETWEEN TWO FIRES? AUSTRO-HUNGARIAN SOLDIERS OF ITALIAN ORIGIN DURING WORLD WAR I

Review of: Di Michele, A. (2022). *Mezh dvukh mundirov. Italoiazychnye poddannye Avstro-Vengerskoi imperii na Pervoi mirovoi voine i v russkom plenu [Between Two Uniforms. Italian-Speaking Subjects of the Austro-Hungarian Empire in World War I and in Russian Captivity]* (M. G. Talalay, Trans. & Ed.). *Italiia – Rossia*. St Petersburg: Aleteja, 2022. 286 p., ill.

This review considers the study by A. Di Michele, professor at the Free University of Bolzano (South Tyrol), dedicated to the pre-war and military experience, as well as the experience of captivity of Italian-speaking soldiers of the Austro-Hungarian army during World War I. The main emphasis is placed on its role in the process of their ethno-cultural and ethno-political self-identification, directly related to the population and identity politics pursued by the states of Europe and Russia in the second half of the nineteenth – first quarter of the twentieth centuries. It demonstrates what gaps A. Di Michele's study is able to fill and what problems to actualise, focusing simultaneously on the regional, national, and supranational contexts of the topic of Austro-Hungarian soldiers of Italian origin during World War I and in Russian captivity.

Keywords: Italian Austrians; World War I; population politics; identity politics; Russian captivity; repatriation

For citation: Surzhikova, N. V. (2022). *Mezh dvukh ogniei? Avstro-vengerskie soldaty ital'ianskogo proiskhozhdeniia v gody Pervoi mirovoi voiny [Between Two Fires? Austro-Hungarian Soldiers of Italian Origin during World War I]*. *Review of:* Di Michele, A. (2022). *Mezh dvukh mundirov. Italoiazychnye poddannye Avstro-Vengerskoi imperii na Pervoi mirovoi voine i v russkom plenu [Between Two Uniforms. Italian-Speaking Subjects of the Austro-Hungarian Empire in World War I and in Russian Captivity]* (M. G. Talalay, Trans. & Ed.). *Italiia – Rossia*. St Petersburg: Aleteja, 2022. 286 p., ill. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(3), 292–300. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.060>

Submitted: 18.06.2022

Accepted: 19.08.2022

Книга Андреа Ди Микеле, профессора Свободного университета г. Больцано (Южный Тироль), ставшая доступной российскому читателю благодаря старшему научному сотруднику Института всеобщей истории РАН, кандидату исторических наук Михаилу Талалаю, знакомит не только и не столько с судьбами италоязычных солдат Австро-Венгрии в период Первой мировой войны

и непосредственно после нее. Проблематика исследования А. Ди Микеле много шире, она касается таких тем, как политика населения [Холквист, 1999; 2011] и политика идентичностей, — тем, которые особенно актуальны там, где этнокультурное многообразие не предполагает простых политических, социальных и любых других решений.

Именно с позиций политики населения и политики идентичностей написана первая глава рецензируемой книги, о чем говорит само ее название — «Империя, народы, итальянцы». В ней А. Ди Микеле не просто определяет место австрийских итальянцев в габсбургской мозаике народностей (с. 28). Он также подчеркивает, что и сами эти итальянцы были едины и неделимы лишь в коллективном воображении, и «однородность, продвигаемая националистами, не всегда имела ту очевидность, как это представляли их собственные повествования» (с. 35). И несмотря на то, что общие корни, язык, вера и обычай сами по себе выделяли итальянское население Габсбургской монархии на фоне прочего, своей «особостью» объективно способствуя ее ослаблению, это вовсе не превращало каждого австрийского итальянца в ирредентиста, мечтавшего о реконфигурации актуальных межгосударственных границ (с. 42, 51, 55, 61 и др.). Вопрос о том, почему итальянцы, наряду с другими австро-венгерскими подданными, с началом Первой мировой войны без всяких сомнений со стороны имперских властей были отправлены на фронт, автор тем самым не просто снимает. Он придает ему иной смысл, подчеркивая множественность форм и проявлений идентификационного процесса, обычно изучаемого прежде всего сквозь национальные линзы.

Вторая глава книги, «В войне за Австрию», открывается параграфом, в котором А. Ди Микеле подтверждает, что, как и в других европейских государствах, заметную, если не ведущую роль в определении вектора политики населения и политики идентичностей играли военные. Но при этом, в отличие, скажем, от России, где военные и армия [Антонович; Золотарев; Козловский; Риттих] стали инструментом дискриминирования национальных меньшинств [Weuga; Sanborn; Vitarbo; Von Hagen], в Австро-Венгрии какое-то время армия рассматривалась как средство сглаживания этнокультурных противоречий и поддержания общеимперской идентичности (с. 65–67). Это не отменяло иерархичности австро-венгерской армии, основанной в том числе на попытках «измерения» лояльности тех или иных народностей и рисков сепаратизма. Начало Первой мировой войны подогрело чувство недоверия к «ненадежным» меньшинствам, что, однако, не помешало мобилизации порядка 100 тыс. человек из в основном итальянских Трентино и Австрийского Приморья. Они, пополнив формирования, в которые их традиционно зачисляли, оказались главным образом на Восточном фронте, где, как справедливо отмечает автор книги, война привела к наиболее значительным потерям.

По мысли А. Ди Микеле, настоящим испытанием, даже травмой для воевавших на Восточном фронте австрийских итальянцев стала Галицийская битва. Преследование их семей, подвергшихся депортации и иным репрессиям с вступлением Италии в войну на стороне Антанты (с. 97–102), презрительное

и жесткое обращение командиров («Самыми добрыми словами, обращенными к нам, были: итальянская свинья!..», с. 96), тяжелые потери в Галиции — всё это резко ослабило верноподданнические чувства италяязычных солдат. Кроме того, этот процесс катализировался переменами в армии, последовавшими после «предательства» Италии:

После вступления Италии в войну произошло своего рода «переселение народов» на фронтах: чехи, рутены (принятое в итальянской историографии название русинов, сохраненное переводчиком. — *Н. С.*), сербы и румыны перешли на Итальянский фронт, а итальянцы — на Русский и Румынский фронты... Итальянцы более не имели своих традиционных образований, где в прошлом они видели признание и принятие своей национальной принадлежности: они, будучи под подозрением, «растворялись» небольшими группками в составе подразделений, говорящих на других языках, изолированные и неспособные общаться между собой. Показательны данные по итальянскому присутствию в четырех тирольских полках кайзерьегерских войск: если в начале войны оно составляло около 40 %, то весной 1918 г. снизилось до нуля в 4-м полку и до 6 % во 2-м... Большинство солдат из Трентино оказались в восьми новых формированиях под названием *Siidwestbataillone*, но более известных как *Ialienerbataillone*, созданных только для патрулирования в тылу и классифицированных как *PU — Einheiten*, подразделения, инициалы которых (*PU, politische Unzuverlässigkeit*, «политическая ненадежность») позволяли хорошо понять их положение (с. 104–105).

Кроме того, подчеркивает Ди Микеле, наряду с чешскими солдатами австро-венгерской армии, за воевавшими в ее рядах итальянцами прочно закрепилась «слава» дезертиров, которая преследовала их даже в послевоенные годы. В ее развитии преуспела, с одной стороны, так называемая офицерская историография новой, послевоенной Австрии, стремившаяся хоть как-то оправдать военные неудачи уже рухнувшей империи, а с другой, что примечательно, национально-патриотические круги Италии, переосмыслившие военный опыт австрийских итальянцев через «ирредентистский фильтр» и сформировавшие миф о патриотическом дезертирстве. А. Ди Микеле, отмечая эти послевоенные тренды, между тем, доказывает, что на самом деле «у итальянцев, как и среди других национальных групп, бывали случаи убежденного и сознательного дезертирства по национально-политическим причинам», но это вовсе не означало их сознательного и убежденного «движения в сторону Итальянского королевства» (с. 116, 118). Среди факторов, которые действительно ускорили это движение, Ди Микеле называет российский плен, в котором оказались порядка 25–30 тыс. итальянских солдат габсбургской армии.

Проводившаяся в России этнодифференцирующая политика в отношении военнопленных не была чисто «русским» изобретением, но именно она напрямую способствовала обострению проблемы этнополитического самоопределения пленников царя, включая и их италоговорящую часть. Именно поэтому посвященная российскому плену глава книги так и называется — «В России, между Австрией и Италией». Подтверждая тезис о противоречивости политического

курса, касавшегося военнопленных [Суржикова, 2012], А. Ди Микеле идет значительно дальше (с. 129–130, 136). Он убедительно демонстрирует, что политизация этничности военнопленных так или иначе инструментализировалась не только властями России. Сами военнопленные также активно использовали «национальное оружие», перемещаясь между разными языками и культурами «ради главного приоритета — выживания и возвращения домой» (с. 132). Остается только сожалеть, что автор приводит совсем немного примеров того, как обещанные «дружественным военнопленным» блага заставляли пленников регистрироваться то славянами, то румынами, то итальянцами... Однако даже этих немногочисленных примеров достаточно, чтобы подчеркнуть самую, пожалуй, важную особенность той части книги А. Ди Микеле, которая касается пребывания австрийских итальянцев в российском плену. Особенность эта состоит в том, что, в ущерб живописаниям его повседневности — их в книге практически нет, — автор позиционирует российский плен как своего рода «лабораторию» этничности, в которой свои опыты одновременно проводили и российские военные, и эмиссары «дружественных» держав, и собственно военнопленные. Тем самым А. Ди Микеле показывает российский плен с неизвестной российскому читателю стороны — как пространство, где активно действовали самые разные акторы, а исключительно объектный, виктимологический статус пленников не был единственно возможным. В связи с этим показательны прежде всего страницы книги, посвященные лагерю в Кирсанове, где целенаправленно сосредотачивались именно италоговорящие пленные и для которых он, по сути, и оказался местом локализации той самой «лаборатории» этничности.

Пожалуй, главным успехом работы этой «лаборатории» стала отправка в Италию осенью 1916 г. более 4 тыс. италоязычных австрийских военнопленных, еще недавно служивших в австро-венгерской армии, а теперь готовых воевать с ней. Отправленные по суше из Кирсанова в Архангельск, они уже морем были доставлены в Англию, затем во Францию и, наконец, в Италию. Однако, учитывая, что впервые о возможности такой отправки российские власти уведомили Италию еще 23 октября 1914 г., трудно не согласиться с тем, что это был лишь относительный успех. При этом А. Ди Микеле убедительно показывает, что таковым его сделали вовсе не неповоротливость царской администрации, угрозы пленным и их семьям со стороны Вены, разногласия с Румынией и/или Сербией, и т. д., и т. п. Репатриация даже незначительной части пленников, совсем недавно служивших во вражеской армии, насторожила прежде всего итальянские власти: «Возобладало опасение ввести в дом врага, шпиона, саботажника, и, как следствие, — необходимость тщательного изучения каждого кандидата на перевод в Италию» (с. 167). Недоверие к досрочно освобожденным из России пленным нашло свое продолжение и в их противоречивом статусе после их прибытия на историческую родину, отразившись в первую очередь в долгой полемике различных ведомств вокруг вопроса о месте жительства репатриантов, запрете их допуска на военные производства, а также запрете сражаться на фронте в итальянском мундире (с. 189–197).

Стоит ли удивляться, что второй этап репатриации италоговорящих австрийских военнопленных из России так и остался проектом. И Россия со всеми ее внутривнутриполитическими «землетрясениями», снова отмечает А. Ди Микеле, вряд ли была тому главной причиной: «Конечный печальный исход всего дела представляется скорее плодом слабой заинтересованности итальянского правительства, нежели следствием сложной политической ситуации в России» (с. 201).

«Стать итальянцами» — а именно так называется последняя часть книги — Россия могла помешать «ирредентным» пленным не напрямую, а косвенно. Ее выход из войны, предусматривая в перспективе в том числе и обмен военнопленными, мог обернуться для итальянцев их выдачей Вене, а не Риму, в связи с чем «спасение от австрийской виселицы» стало теперь главной задачей и итальянского правительства, и самих пленников. Именно эта угроза породила событие, мимо которого российская историография, посвященная прежде всего судьбам пленных Первой мировой войны после 1917 г., а также теме их освобождения, почему-то прошла мимо [Белова; Щеров]. Речь идет о перемещении на Дальний Восток России более 2,5 тыс. пленных «ирредентистов», откуда их через Японию планировалось отправить в Италию. Оно, однако, привело многих итальянских пленников вовсе не на историческую родину, продолжает А. Ди Микеле, открывая еще одну практически неизвестную страницу истории, а в Итальянский экспедиционный корпус на Дальнем Востоке, известный также как Черные батальоны (*Battaglioni neri*). Олицетворяя вклад Италии в международную борьбу с большевизмом, он был отправлен в Сибирь, где принял непосредственное, хотя и незначительное, участие в российской Гражданской войне. Все это не только отсрочило отправку бывших италоговорящих военнопленных на родину, но и превратило географию их репатриации в самую разнообразную (с. 197–218).

Не располагая более точными цифрами, А. Ди Микеле указывает, что так или иначе к маю 1920 г. из России в Италию прибыло около 10 тыс. пленных, которых ожидала фильтрация: «В каком бы мундире они не воевали, все, кто вступал в контакт с “большевистским вирусом”, нуждались в специальных мерах изоляции» (с. 231). Очевидно, что в этом смысле опыт Италии мало чем отличался от опыта других государств, где практика «взвешивания» лояльности возвращавшихся пленников также использовалась с разной степенью широты. Между тем, история возвращения итальянцев из России на этом не закончилась. Последняя официальная итальянская миссия, миссия Аттилио Арланка, предпринявшая в 1925 г. и 1926 г. поездки в бывшую Россию с целью найти там «забытых» военнопленных, очевидно, прежде всего была важна как средство снять напряженность вокруг этой темы и как можно скорее ее закрыть. Однако этого сделать не получилось, и военнопленные, от случая к случаю возвращавшиеся из России, напоминали о себе вплоть до середины 1930-х гг. При этом в поисках ответа на вопрос «уехать или остаться?» бывшие итальянские солдаты австро-венгерской армии не были оригинальны, демонстрируя универсальные для оказавшихся в России пленных иностранцев и притом весьма противоречивые

и изменчивые мотивации и выборы [Суржикова, 2015]: «Некоторые создали в России новые семьи и теперь не знали, как поступить. Другие не торопились, говоря, что хотят завершить свои дела перед отъездом... Иные казались напуганными идеей возвращения в неведомую реальность...» (с. 239).

Сколько бывших пленнх итальянцев осталось в России и как сложилась их судьба, резюмирует А. Ди Микеле, неизвестно, и в этом ситуация с пленными итальянцами опять-таки мало отличалась от ситуации с пленными иностранцами в России вообще [Суржикова, 2014, с. 325–326]. Разница состояла, пожалуй, лишь в том, что официальная Москва, ликвидировав в январе 1923 г. Центральное управление по эвакуации населения, преемника Центральной коллегии по делам пленнх и беженцев, поспешила закрыть тему плена и пленнх несколько раньше, чем итальянское правительство.

Подводя черту под сказанным, хотелось бы подчеркнуть, что исследование А. Ди Микеле не просто вносит свою лепту в историю плена и военнопленнх Первой мировой войны, проливая свет на ее действительно малоизвестные страницы. Книга А. Ди Микеле свидетельствует о том, насколько мало мы все еще знаем о Первой мировой войне и насколько условны любые реконструкции, когда речь идет о судьбах конкретнх людей, бывшх ее современниками. Но, думается, что и автору рецензируемого труда еще предстоит узнать об этом много больше, соединив уже накопленный им исследовательский опыт с опытом изучения российских историографических и архивнх источников. Это, безусловно, только добавит понимания тому контексту насилия, контроля и принуждения, который породили война и плен, а также позволит сбалансировать их видение из разных фокуснх точек — с точки зрения государственных институтов, т. е. «сверху», и с точки зрения собственно солдат, т. е. «снизу».

Источники

Антонович А. Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 241–274.

Золотарев А. М. Записки военной статистики России: курс старшего класса Николаевской академии Генерального штаба : [в 2 т.]. СПб. : Типо-лит. А. Е. Ландау, 1895.

Козловский Н. Об отношении народностей России к исполнению воинской повинности. (По данным о призывах 1909–1911 гг.) // Военный сборник. 1915. № 1–3.

Риттих А. Ф. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб. : [Картогр. заведение А. А. Ильина], 1875.

Исследования

Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленнх Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М. : АИРО-XXI, 2014.

Ди Микеле А. Меж двух мундиров. Италоязычные подданные Австро-Венгерской империи на Первой мировой войне и в русском плену / пер. и науч. ред. М. Г. Талалая. СПб. : Алетейя, 2022.

Суржикова Н. В. Российский плен 1914–1917 гг. как пространство политико-идеологических манипуляций: теории центра и практики периферии // Cahiers du Monde russe. 2012. Vol. 53, No. 1. P. 247–266.

Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М. : РОССПЭН, 2014.

Суржикова Н. В. Биография плена и плен биографии. История немецкого сапожника Фридриха Гофмана // Родина. 2015. № 11. С. 120–122.

Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914–1921) // Россия и Первая мировая война : материалы междунар. науч. коллоквиума / [редкол.: Н. Н. Смирнов и др.]. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. С. 83–100.

Холквист П. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / [пер. с англ. В. И. Матузово́й]. М. : РОССПЭН, 2011. С. 139–179.

Щеров И. П. Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск : СГПУ, 2000.

Beyrau D. Old Prejudices and New Opportunities. Jews in the Russian Armed Forces, 1900 to 1926 // *Osteuropa*. 2003. Vol. 53, No. 12. P. 1793–1809.

Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2003.

Vitarbo G. Nationality Policy and the Russian Imperial Officer Corps, 1905–1914 // *Slavic Review*. Vol. 66, No. 4 (Winter, 2007). P. 682–701.

Von Hagen M. The Great War and the Mobilization of Ethnicity in the Russian Empire: Conflict and State-Building // *Post-Soviet Political Order: Conflict and State Building* / ed. by B. R. Rubin, & J. Snyder. London ; New York : Routledge, 1998. P. 34–57.

References

Belova, I. B. (2014). *Vymuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914–1925 gg.* [Forced Migrants: Refugees and Prisoners of War of the First World War in Russia. 1914–1925]. Moscow: AIRO-XXI.

Beyrau, D. (2003). Old Prejudices and New Opportunities. Jews in the Russian Armed Forces, 1900 to 1926. *Osteuropa*, 53(12), 1793–1809.

Di Mikele, A. (2022). *Mezh dvukh mundirov. Italoiazychnyye poddannyye Avstro-Vengerskoi imperii na Pervoi mirovoi voine i v russkom plenu* [Between Two Uniforms. Italian-Speaking Subjects of the Austro-Hungarian Empire in World War I and in Russian Captivity] (M. G. Talalay, Trans. & Ed.). St Petersburg: Aleteja.

Holquist, P. (1999). Total'naia mobilizatsiia i politika naseleniia: rossiiskaia katastrofa v evropeiskom kontekste (1914–1921) [Total Mobilisation and Population Politics: Russia's Catastrophe in the European Context (1914–1921)]. In N. N. Smirnov et al. (Eds.), *Rossii i Pervaia mirovaia voina: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma* [Russia and World War I: Materials of the International Scholarly Colloquium] (pp. 83–100). St Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Holquist, P. (2011). Vychislit', iz"iat' i istrebit': Statistika i politika naseleniia v poslednie gody tsarskoi imperii i v Sovetskoi Rossii [To Count, to Extract, and to Exterminate: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia]. In *Gosudarstvo natsii: Imperiia i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina* [The State of the Nation: Empire and Nation-Building in the Age of Lenin and Stalin] (V. I. Matuzova, Trans.) (pp. 139–179). Moscow: ROSSPEN.

Sanborn, J. (2003). *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Shcherov, I. P. (2000). *Migratsionnaia politika v Rossii 1914–1922 gg.* [Migration Policy in Russia 1914–1922]. Smolensk: SGPU Press.

Surzhikova, N. V. (2012). Rossiiskii plen 1914–1917 gg. kak prostranstvo politiko-ideologicheskikh manipuliatsii: teorii tsentra i praktiki periferii [Russian Captivity 1914–1917 as a Space for Political and Ideological Manipulations: The Theory of the Centre and the Practice of the Periphery]. *Cahiers du Monde russe*, 53(1), 247–266.

Surzhikova, N. V. (2014). *Voennyi plen v rossiiskoi provintsii (1914–1922 gg.)* [Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)]. Moscow: ROSSPEN.

Surzhikova, N. V. (2015). *Biografiia plena i plen biografii. Istoriia nemetskogo sapozhnika Fridrikha Gofmana* [The Biography of Captivity and the Captivity of Biography. The Story of a German Shoemaker Friedrich Hoffmann]. *Rodina*, 11, 120–122.

Vitarbo, G. (2007, Winter). Nationality Policy and the Russian Imperial Officer Corps, 1905–1914. *Slavic Review*, 66(4), 682–701.

Von Hagen, M. (1998). The Great War and the Mobilization of Ethnicity in the Russian Empire: Conflict and State-Building. In B. R. Rubin, & J. Snyder (Eds.), *Post-Soviet Political Order* (pp. 34–57). London; New York: Routledge.

Суржикова Наталья Викторовна

доктор исторических наук

¹заместитель директора по научным вопросам

Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

²старший научный сотрудник кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральский государственный университет

454080, Челябинск, пр. Ленина, 76
E-mail: snvplus@mail.ru

Surzhikova, Natalia Viktorovna

Dr. Hab. (History)

¹Deputy Director

Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya Str.,
620990 Ekaterinburg, Russia

²Senior Researcher

National and Foreign History Department
South Ural State University
76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russia
Email: snvplus@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2308-8805>

Scopus AuthorID: 49964686900

WoS ResearcherID: Q-8162-2016